

Николай Петрович Вагнер

Царевна Нанджана

*Часть сборника
Сказки Кота-Мурлыки (сборник)*

Николай Петрович Вагнер

Царевна Нанджана

Серия «Сказки Кота-Мурлыки»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=626255

Сказки Кота-Мурлыки : Правда; М.: 1991

Аннотация

«За далекими синими морями-океанами, за высокими снежными горами-великанами, там, где небо в землю упирается и солнце за край земли на ночь прячется, жила-была прекрасная царевна Нанджана...»

Содержание

I	4
II	7
III	11
IV	14
V	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Николай Петрович Вагнер

Царевна Нанджана

(Восточная сказка)

I

За далекими синими морями-океанами, за высокими снежными горами-великанами, там, где небо в землю упирается и солнце за край земли на ночь прячется, жила-была прекрасная царевна Нанджана.

Одна-одиошенька царила она над громадным царством Бирмиджанским, одна осталась она сиротой от отца и матери, одна сидела на древнем престоле из червонного золота, дорогими разноцветными камнями изукрашенного, алмазами, бриллиантами усыпанного.

И сияла она ярче солнца красного, и слава о красе ее шла во все земли ближние и дальние, за моря-океаны синие, за горы-великаны высокие, по всему свету Божьему, по самый край всей земли. И заслышав об этой красоте невиданной, ехали, спешили витязи, царевичи, молодые, прекрасные, сватали, просили руки царевны-красавицы. Но ни один царевич не пленил собой светлых очей царевны Нанджаны, ни один не тронул своей красой и любовью сердце холодной

красавицы.

– Скучно, холодно! – твердила она своей мамке-кормилице, и сидела она грустная, задумчивая на престоле червонного золота, а кругом ее толпились слуги, правители. Слушала она, что говорили ей эти правители, князья, раджи и визири, слушала чутким сердцем и светлым умом, давала она мудрые решения, и лились с ее престола благодать и милость во все земли, ближние и дальние, во все края необозримого царства Бирмиджанского.

– Чего ж тебе надо?! Чего недостает, моя красавица? – допрашивала ее мамка-кормилица. – Кругом тебя богатства и груды золота. Поют тебе прислужницы песни сладкие. Цветут в твоих садах цветы нарядные; зреют на деревьях высоких плоды наливные, золотые, сахарные. Журчат, шепчут фонтаны шумливые, тешат глаза, поют, хвалят твою красоту, доброту сердечную... Чего ж недостает тебе, мое золото?!

Но об этом-то и думала, гадала день и ночь царица Нанджана и не могла придумать, решить, разгадать... И всюду: в тени рощ и садов зеленых, среди полян и лугов, цветами усеянных, среди песен и звуков сладостных, в водах, на земле и в небесах сияющих, – чудилась ей могучая, глубокая, неразрешимая тайна.

Напрасно пыталась она великих мудрецов и премудрых дервишей. Напрасно всходила на пагоды, башни высокие, спускалась в подземные храмы глубокие. Безмолвны были храмы и пагоды, безмолвно сидели, сложив руки, бронзовые идола,

истуканы немые, уродливые... Тайна висела в вечернем сумраке, сияла в небе дневном, слышалась в безмолвии ночном, в лепете моря широкого сказывалась.

А все правители, раджи, князья, визири, нязири говорили, шептали промеж себя:

– Жениха надо царевне младой – наследника престолу великому...

II

Среди всех царевичей, королевичей, витязей славных, удалых был один красавец жених, царевич Джурманский Нассан. Упорно он сватал царевну уже третий год. Живал в славной столице Синджур Бирмиджанского царства по целым неделям и месяцам, чуть не годам. Все думал, мечтал, чем ему преклонить и пленить сердце чудной, холодной красавицы девы, царицы Бирмиджанской земли. Был он строен, высок, был он храбр и удал. На белом коне впереди дружин шел на врагов, бил, рубил, побеждал. Бился один на один с силачами-великанами, колдунами и злыми дивами. Всех побеждал, покорял красавец Нассан. И не мог покорить только капризное сердце девы, красавицы Нанджаны.

– Чем тебя пленить, ненаглядная? – пытал он ее. – Скажи, прикажи! Идти ли на дно океана, в недра земли – в огонь и в воду пойду за тебя. Промолви лишь слово надежды, звезда моя ясная. Изныло, высохло сердце, истомилась душа... Плачет, рыдает в неволе злой, изнывает, сокрушается, просит тебя.

– Я подумаю, – промолвила царевна и пошла в опочивальню, разделась, легла и кликнула мамку свою.

Пришла, прибежала мамка-кормилица.

– Что велишь, царица-красавица?

– Расскажи мне сказку. Тяжко ноет сердце мое. Нигде нет

покоя, отрады ему. Может быть, сказка займет, успокоит меня и забудусь я тихим младенческим сном под тихий шум речи твоей.

– Изволь, моя радость, изволь, мое дитяtko милое.

И села мамка на табуретик низенький атласный и начала свою речь в душной ночи, под тихий лепет фонтана, под тихие трели переливов арфы, что играла сама невидимкой.

В давнее время, когда не было на свете ни Шивы, ни Вишну, ни Брамь, жил на земле прекрасный царевич Азраил, и был он раз на охоте и погнался за зайчиком малым, но зайчик был не простой, с золотой шкуркой, с атласными ушками. Бойко бежал зайчик, и гнал коня за ним Азраил; долго гнался, заморил коня. А конь был белый, как снег Альвагирь, быстроногий, летучий; вдруг захрапел он, пал и умер. Оглянулся Азраил... Нет кругом никого, ни свиты, ни охотников. Один он в дикой, глухой пустыне, и зайчик исчез, зайчик непростой, с золотой шкуркой, с атласными ушками. Посмотрел прямо Азраил и видит: движутся, идут три страшных чудища, три злых дива прямо к нему, идут, промеж себя спорят, рассуждают. И говорит один див: «Вон смертный человек; спросим у него, и что он скажет, так и быть тому нерушимо». Подходят дивы; тьма идет перед ними. Пламя летит от их дыхания.

– Скажи, царевич, – говорит один див, – реши спор наш. Мы три брата: див Байраджум, див Арабан-Тайджи и див Ларма-Такум. Достались нам по наследству три чудных ве-

щи: ковер-самолет, шапка-невидимка и скатерть-самобранка. Скажи, кому из нас владеть этими вещами...

— А есть разве, няня, такие вещи на свете? — спрашивает Нанджана.

И скатилось с ее тела атласное одеяло. Душно, жарко ей в ночном ароматном воздухе пахучей южной ночи.

— Есть, красавица моя, — говорит няня, — я слыхала сама, что есть, но кто же знает, где они лежат!

— Мне кажется, няня, что если б у меня был ковер-самолет, я облетела бы весь мир... и нашла бы то, что мне надо.

— Может быть, ясная звездочка, — говорит мамка, зевая, и продолжает сказку: — Азраил смотрит на див и говорит им: стреляйте все трое из лука, и кто дальше стрельнет, тот пусть и владеет и ковром-самолетом, и шапкой-невидимкой, и скатертью-самобранкой...

— Няня, поди спать, — говорит Нанджана, — я и так усну, может быть. Ступай!

И ушла няня, но не спится царевне Нанджане. Бродят в ночном сумраке тени, бродят, волнуют ее думы и мысли, и что-то тихо, тайно творится в тихом безмолвии душной полуденной ночи.

«Я достану, непременно достану ковер-самолет, — мечтает царевна, — я улечу с душного юга на далекий север. Там, в холодных льдах его, может быть, услышу я тайное слово, что мучит и сердце, и бедную душу мою. Я полечу на бледный запад, туда, где солнце, напоив землю своим жаром и расте-

ряв все лучи, идет отдыхать до нового утра. Я полечу на восток и увижу, как после ночного сна встает ясное солнце и будит заснувшую землю. Я полечу на самый жаркий юг, на средний пояс земли; может быть, там, под светлыми лучами зодиака, откроется мне разгадка всего, чем живет и дышит целый громадный мир».

И всю ночь не может сомкнуть глаз Нанджана. Бродят, ползут в ночном сумраке трепетные тени ночи и рассеиваются, уходят, как предрассветный сумрак. Зажглась уже яркая заря на востоке. Идет, спешит солнце, бегут, летят прочь ночные тени. И выкатилось, заблистало солнце яркими лучами. Встает Нанджана. Накинула легкий кисейный халат, просунула ножки в крохотные серебряные туфельки, все бриллиантами усыпанные. Встала, умылась в фонтане и вышла в роскошный сад, а в саду птицы поют, заливаются... И ходит в нем сумрачный, задумчивый царевич Нассан... Всю ночь бродит и думает горькую думу, чем ему пленить, победить сердце девы души, холодной красавицы, царицы Бирмиджанской земли.

III

Сошла Нанджана с высокого мраморного крыльца. Все крыльцо золотыми решетками убрано, разукрашено.

Сошла она в широкую аллею из сикоморовых деревьев, всю вьющимися растениями затканную, занавешенную. Повернула в боковую аллею и ахнула.

Прямо перед ней стоял, опустив голову, царевич Нассан.
– Нанджана, Нанджана! – сказал он. – Душа души моей, звезда моего сердца... Скажи мне, вымолви, чем купить любовь твою желанную!

И упал он на колени перед ней. Он взял ее за протянутую маленькую ручку. Но выдернула из его рук свою ручку царица.

– Нет! – вскричала она. – Не полюбит мое сердце никого прежде, чем оно не найдет свой покой в знании тайны великой, которой полна вся земля, и воздух, и воды. Слушай, царевич Нассан! Есть на свете ковер-самолет. Достань мне его, и, может быть, я успокоюсь и сумею полюбить тебя... Иди! Моя воля тверда. Мое сердце способно страстно желать и глубоко любить.

И пошел царевич Нассан. Велел оседлать он своего белого боевого коня и задумчивый, грустный выехал шагом из дворца царицы Нанджаны. Несколько раз он оборачивался назад, туда, где осталась царица души и сердца его, пока не

скрылись в сизом тумане стрельчатые башни дворца, высокие пагоды и золотые узорчатые купола.

Поехал он далеко, в темные леса Бармангамы. Там, в глухом ущелье, жил премудрый старик, дервиш Айракум. День и ночь стоял он на камне, погруженный в созерцание Браммы, Вишну и Шивы. Поклонился ему до земли царевич Нассан.

– Скажи мне, премудрый, – спросил он, – где мне искать того, за чем послала меня звезда Востока, царица сердца, прекрасная Нанджана?

Не вдруг ответил ему Айракум.

Три раза приходил к нему Нассан. Три раза кланялся ему в землю. И наконец очнулся, тронулся Айракум, и глухо, отрывисто проговорил он Нассану:

– Сердце человека ищет великого, но нет великого на бренной земле. Иди в рощи Ганга, там, близ гор Галаджайских, на скалах неприступных, живет злой див Байраджум. У него найдется ковер-самолет. Возьми двух козлят; подойдешь к воротам замка – увидишь двух страшных тигров. Брось одному козленка и другому козленка. И они пропустят тебя в замок к диву Байраджуму. Но, прежде чем войти в замок, пропитай свою одежду кровью змеи Кобры, чтобы див не слышал от тебя запаха человеческой крови. Затем приготовь кушанье из лягушек Кани, и ящериц Тарти, и змеи Магра-Кабалли, посыпь их густо порошком из травы Тириаки и поднеси это кушанье диву. Наестся, уснет див, и тогда ты возьмешь его меч трехгранный и возьмешь ковер из-под его

изголовья и беги, скачи на твоём коне быстроногом. Я сказал! Ступай!

И сделал все Нассан, как сказал ему Айракум.

Он купил двух козлят, связал и перевесил их поперек седла. Он проехал в рощи Ганга, близ гор Галаджайских. И там, на неприступных скалах, увидел чудный замок, дворец злого дива Байраджума. Два страшных тигра сторожили ворота замка. Он бросил одному козленка и другому козленка и въехал в высокие ворота замка. Он привязал коня у крыльца и вошел во дворец.

Он прошел сорок залов, все из камней самоцветных, и отворил двери в сорок первый зал. Там на широком диване лежал страшный, безобразный див Байраджум, Его огромные глаза блестели, как угли, нос сгибался крючком, а из громадного рта выходили дым и пламя.

Нассан подал ему блюдо, и див облизнулся, схватил его и начал быстро есть руками, на которых были громадные когти. Съев блюдо, он закрыл глаза, опустил на подушки и захрапел, а Нассан, даром время не теряя, схватил его трехгранный меч, что висел у него в изголовье, выдернул из-под подушек ковер-самолет и пошел торопливо через все 40 залов.

Он сел на коня и быстро поскакал по дороге. Но дорога вилась по скалам неприступным. Только к вечеру успел он спуститься в долины и поскакал, полетел на коне быстроногом. Но за ним гналась по пятам уже погоня.

IV

И видит Нассан: пылит и дымит по дороге, скачет, летит за ним злой див Байраджум, скачет на огромном пауке Карбунаке, у которого каждая нога была в три версты с третью.

Скачет, летит конь быстроногий, за каждым скоком версту за собой оставляет, но огромный паук Карбунак с каждым шагом три версты с третью махает.

И вот-вот настигает злой Байраджум белого коня цареви-ча Нассана. Уж он разинул пасть проглотить и коня и Нассана, он протянул свою длинную лапу. Но отмахнулся трехгранным мечом цареви-ч Нассан и отрубил правую руку у дива.

Закричал див так, что весь лес задрожал. Полила из руки его кровь в три реки. И кричит он и скачет, несется за цареви-чем Нассаном и вот опять близко, близко настигает уже Нассана. Уж он разинул громадную пасть, чтобы проглотить и коня и Нассана, уж он протянул, растопырил левую руку с когтями, но отмахнулся трехгранным мечом цареви-ч Нассан, и отрубил он диву левую руку.

Полила кровь из обеих отрубленных рук, льет ручьями, течет реками, все долины собой наполняет. Посинел, почернел див, кричит, ревет, стонет и летит, несется на пауке Карбунаке. Близко, уж близко, вот-вот настигает коня и Нассана. Раскрыл он громадную пасть. Огнем-полымем пышет, жжет-

пожигает коня и Нассана, но отмахнулся Нассан трехгранным мечом, и отрубил он голову злому диву Байраджуму.

И вдруг лопнуло, разлетелось тело дива. Черным облаком покрыло оно лес, и пронеслась страшная туча над лесом. Разразилась громом и молниями и унеслась, улетела, и снова засияло солнце. А Нассан спешит, летит. Мысли его скачут впереди. Не может за ними угнаться белый конь сереброгривый. И вот уж близко, близко царство Бирмиджана.

Спешит, летит Нассан, скачет, храпит конь сереброгривый. Все смотрят, дивуются, откуда несется такой храбрый витязь. Скачет, летит Нассан, в правой руке держит меч трехгранный, а на луке перекинут ковер-самолет.

Прискакал к воротам дворца, въехал на двор. Бросил коня, бежит во дворец, бежит по залам дворца, прямо к царевне Нанджане и прибежал, как был, в пыли, в крови, в дыму, в копоти, упал на колени перед царевной, развернул перед ней ковер-самолет. Весь заткан он яркими пестрыми цветами, драконами, дивами, зверями морскими, птицами заморскими, звездами небесными.

Собрались, сбежались со всего дворца все прислужницы, приспешницы, все придворные и слуги царевны. Все ахают на ковер, дивуются, на цветы любят. Такого ковра видом не видано и слыхом не слыхано.

А царевна Нанджана всем отдала строгий приказ-наказ: отправляться завтра чем свет всем в путь вместе с ней на ковре-самолете. И все пошли, удалились. Остались одни ца-

ревич Нассан и царица Нанджана.

И стоит по-прежнему царевич Нассан перед царицей Нанджаной, по-прежнему стоит на коленях и протягивает к ней с немой мольбой свои руки, все облитые кровью злого дива Байраджума.

Посмотрела Нанджана на закопченное лицо царевича, на его серебристое белое платье, залитое кровью, и только сказала, замахав руками:

– Завтра, царевич, завтра! Ты поедешь вместе со мной на ковче-самолете.

V

И не свет, не заря в ясном небе загорается, царица Нанджана в дальний путь собирается. Всех будит, торопится, приказывает. Весь двор дворцовый кишмя кишит, и шум, гам, суета. Поднялись, собрались вершники, приспешники, воины, оружейники, слуги, служанки, прислужники, визири, нязири, раджи, князья, правители... Собрались судомойки, поломойки, повара, поварихи. Все бегут, спешат, садятся на ковер-самолет, а ковер разостлали на широком дворе, и почти весь двор занял широкий ковер-самолет.

Выходит наконец царица Нанджана, и с ней рядом идет царевич Нассан. Вышли, сошли с крыльца, уселись, а с ними рядом уселись князья, визири, нязири и вокруг их стража почетная.

– Лети, ковер-самолет, на полдень! – приказывает царица Нанджана. – Лети в те страны, на которые светит свет Зодиака. Там узел и пояс земли. Там разгадка земного. Там я узнаю страшную мировую тайну!..

И мерно, плавно поднялся ковер высоко на воздух. Закричали, завизжали служанки, прислужницы. Но Стамбул-нязирь погрозил им плеткой-вертихвосткой, и все замолкли. И все смолкло кругом. Тихо, плавно громадный ковер поднимается выше и выше. Вот уже чуть-чуть виднеются стрельчатые башни, и блестят словно звездочки золотые купола двор-

ца. Вот-вот чуть синеют рощи и горы Бирмиджана, а в ясном небе только солнце ярко светит, палит. Раскинули слуги над царевной и царевичем нарядный паланкин, золотыми птицами затканый, золотыми кистями разубраный.

Поднялся ковер, с полминутки остановился и полетел на юг. Засвистел, заиграл ветерок вокруг Нассана и Нанджаны. Веет-повевает, шелковым паланкином шелестит, золотыми кисточками играет.

Долго ли, коротко ли летел ковер и начал спускаться. Снова засерела земля, шире и шире ползет во все стороны. Жаром, пылом дышит от нее. Развернулась необозримая песчаная пустыня. Кое-где мелькают на ней две-три пальмы и кустики над скудным родничком. Идут, тянутся длинные караваны верблюдов. Идут, чуть-чуть движутся. Звякают бубенчики, а над всем караваном, и пальмами, и пустыней, и ковром-самолетом, прямо над головами Нассана и Нанджаны и над головами всех, что сидят с ними, жжет, палит с темно-синего неба жаркое южное солнце.

Смотрят путники на верблюдах, что за тень их покрывает, и не могут понять, что это такое летит над ними. Птица не птица, туча не туча, громадное четырехугольное диво из див. И все дивуются, не могут надивоваться.

А с юга поднимаются, ползут действительно тучи, темно-желтые, грозные тучи. Все небо покрывается каким-то красным тусклым туманом. И ветер летит с юга, сухой, жгучий ветер. Он сушит и томит. И поднимается целый пес-

чаный ураган. Мчится, несется целое море песку, горячего, жгучего, все сжигающего в пепел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.